

Дмитрий Иванович Абрикосов. Судьба русского дипломата.

Иван Толстой: Недавно московское издательство “Русский путь” выпустило большой том воспоминаний, подготовленный целой группой исследователей и переводчиков. Автор воспоминаний – полузабытая фигура русского зарубежья – Дмитрий Абрикосов. Один из членов большой и славной русской семьи Абрикосовых, Дмитрий Иванович скончался в США, а большая часть его жизни протекла в Японии, так что сведения о его жизни прошли стороной даже для большинства историков эмиграции. Сегодня у нас есть возможность познакомиться с этой замечательной фигурой поближе. И поможет нам в этом моя собеседница Марина Сорокина – научный редактор книги.

Марина Юрьевна, кем же был автор воспоминаний?

Марина Сорокина: Прежде чем сказать несколько слов о самой личности мемуариста, который на самом деле, может быть, главный герой всей книги, я хотела бы сказать два слова о том, как эта книга, точнее говоря, сама рукопись появилась здесь, в России. Потому что путь этот был очень непростой, сложный, он пролегал через многие океаны и десятилетия истории. И пришла она к нам после того, как мемуары Дмитрия Ивановича Абрикосова, последнего российского дипломатического императорского посланника в Японии, были опубликованы в 1964 году в США. Дмитрий Иванович Абрикосов - человек, который прожил более 30 лет в Японии и, я думаю, это один из немногих случаев, когда россиянин, москвич, провел столько времени в этой достаточно далекой от нас стране. Дмитрий Иванович, а его хочется называть именно так, всякий, кто знакомился с его мемуарами, наверное, почувствовал какую-то особую, домашнюю их интонацию, поэтому не хочется его называть послом или Дмитрием Абрикосовым, а именно так, тепло, мягко, по-домашнему, в той интонации, которую задал сам Дмитрий Иванович. Так вот, он принадлежал к очень известной и знаменитой в России династии Абрикосовых. Династия, которая более всего известна своей неутомимой предпринимательской деятельностью в конце 19-го - начале 20-го века, один из наиболее ярких представителей которой, Алексей Иванович Абрикосов, дед нашего автора Дмитрия Ивановича, по праву назывался кондитерским королем России. Даже сегодня, живя в Москве, и в этом еще одна прелесть и автора, и его мемуаров, мы имеем возможность пройти по Абрикосовскому переулку, если очень повезет, то родиться в родильном доме имени Агриппины Абрикосовой. А те, кому за 40, еще хорошо помнят, что Бабаевский шоколад, который можно купить в каждом

магазине в Москве, на самом-то деле - Абрикосовский. Предпринимательская династия Абрикосовых, которая была известна с конца 18-го века, своего пика и наибольшего влияния достигла как раз во второй половине 19-го века. Фактически она стала первой русской предпринимательской династией в области кондитерского дела, которая заняла столь высокие позиции в своем бизнесе. До Абрикосовых кондитерские изделия в России более всего были связаны с именами западноевропейских предпринимателей, которые работали на российском рынке. Но именно Абрикосовы стали теми первыми русскими, которые этот рынок практически наполовину заняли своей продукцией. Они производили все – мармелад, шоколад, пастилу, различного рода кондитерские изделия, карамель. Те самые “Раковые шейки” и “Гусиные лапки”, которые так любят наши дети, это все те бренды, если хотите, которые существуют уже второе столетие и которые были придуманы и введены в производство и в продажу Абрикосовыми.

Дмитрий Иванович Абрикосов был внуком Алексея Ивановича Абрикосова и, фактически, если переводить на достаточно прозаичный язык, своего рода наследным принцем этой кондитерской империи. Однако, в отличие от других подобного рода фигур, он отказался продолжить дело своего рода, и в случае Дмитрия Абрикосова мы имеем невероятно интересную фигуру человека, которого по праву можно назвать *self made man* – он сам придумал и выстроил свою жизнь и карьеру. Внук знаменитого кондитерского короля России, он предпочел учиться сначала на физико-математическом факультете Московского университета, затем перешел на юридический факультет этого университета. Более того, после окончания университета он провел некоторое время на военной службе, что тоже было достаточно неординарно для людей его круга и для этого клана. После чего выбор дальнейшего пути, конечно, занял достаточно долгое время, и попытка определить, где приложить свои знания, свои умения, свое имя, заняла время. В результате Дмитрий Иванович Абрикосов, и это мне особенно приятно отметить, поскольку исходно я - историк-архивист, начал свой дипломатическую карьеру в архиве министерства иностранных дел. Документы, живая жизнь, живая история, которая всегда так насыщено представляется нам в документах, стала предметом особого его интереса. И как это нередко бывает, от истории, от стремления ощутить исторические корни и место России в том еще, не в совсем глобальном мире, Дмитрий Иванович через некоторое время предпринял попытку устроиться на работу в аппарат министерства иностранных дел. Для купеческого сына это была опять очень неординарная попытка и очень неординарный путь, постольку, и это хорошо известно, дипломатический мир России конца 19-го - начала 20-го века представлял собой достаточно узкую и

очень своеобразную такую профессиональную корпорацию. Купеческим детям там не было места. И хотя в конце 19-го - начале 20-го века целый ряд представителей других сословий, не только дворянства, стал поступать на службу в МИД, тем не менее, все равно это было достаточно новое и неординарное явление. Служба чиновником была только первой ступенью, чтобы вырваться из этого плена, если хотите, плена российской действительности, из того круга судьбы, который был абсолютно точно проложен принадлежностью к крупнейшим предпринимателям России. И начиная с 1904 года Дмитрию Ивановичу Абрикосову удалось добиться службы в российском посольстве в Великобритании. Это была первая страна, в которой он прошел очень серьезную и очень своеобразную дипломатическую школу. В последующие годы он работал в Киеве, в российском посольстве в Пекине и с 1916 года и вплоть до 1946 года 30 лет провел в Японии, где прошел многие ступеньки дипломатической службы, от первого секретаря посольства до временного поверенного в делах России в Японии, после того как российский посол в Японии Василий Крупенский в 21-м году покинул эту страну, и фактически всеми делами русских беженцев и русской беженской диаспоры в Японии на протяжении 20-30-х годов занимался именно Абрикосов. Он провел все годы Второй мировой войны в Японии, в 46-м году ему все-таки удалось уехать из Японии и последние 5 лет своей жизни, до 1951 года, он провел в США, где и скончался.

Иван Толстой: Получается, что Дмитрий Иванович это такой Василий Маклаков русского Востока, человек, который представлял интересы русской эмиграции, не будучи на официальном посту, но будучи как бы делегирован самой историей, самой драмой истории, да?

Марина Сорокина: Пожалуй, можно согласиться с этим сравнением, за исключением того, что, конечно, фигура Абрикосова более камерна. Хотя в некотором смысле, я бы хотела это подчеркнуть, более неожиданная, чем фигура Маклакова. Маклаков – человек интегрированный в российскую политическую жизнь, и в этом смысле он открывал некоторую новую страницу в истории российской дипломатии. Абрикосов - совсем другой. Абрикосов - это человек, который не стремился делать самую высокую дипломатическую карьеру, это человек, который, скорее всего, в этой карьере находил воплощение неких своих собственных, внутренних, духовных и душевных устремлений. И поэтому карьерные соображения меньше всего им двигали, в некотором смысле. Это вот такой наш соотечественник, который действительно волей истории, но при этом еще и собственной волей, оказался в ситуации, если хотите, дуайена российской беженской диаспоры в Японии и сделал все для того, чтобы она существовала

максимально комфортно и смогла адаптироваться к такой необычной для себя обстановке.

Иван Толстой: Тогда возникает естественный вопрос, что представляла собой та паства, которую предстояло Абрикосову обслуживать юридически, иными словами, что такое русская Япония тех лет?

Марина Сорокина: О, русская Япония тех лет это, конечно, совершенно особый сюжет, о котором можно говорить много и много. И мемуары Абрикосова как раз дают потрясающе интересный, новый и почти неизвестный материал об основной части этой диаспоре, об основной части этой паствы. Дело в том, что к началу 20-х годов в Японии оказалось около 3 000 российских беженцев, большинство из которых, конечно, были беженцами Гражданской войны, и которые имели невероятно различные политические взгляды, социальное происхождение, образовательный уровень. Эта паства была чрезвычайно разношерстной, и Абрикосов сумел выступить в роли объединителя людей, которые в какой-то момент просто не знали, что им делать. Для большинства из них Япония, конечно, была транзитным пунктом. Но определенная часть русских беженцев в Японии осела надолго, на многие десятилетия, они сумели адаптироваться к новой ситуации, и Абрикосов очень подробно описывает этот мир русских беженцев, подчеркивая их невероятную способность и умение в любых условиях найти адекватные варианты для выбора новой жизненной стратегии, нового пути, которые рассматривали Японию не просто как пересадочный пункт, которые не просто жили в чемоданном настроении, а которые, так же, как сам Абрикосов, попав в тяжелейшие условия, нашли в себе внутренние силы, возможности и способности для того, чтобы найти действительно новый путь и начать новую жизнь в этих условиях.

Дело в том, что те главы, которые посвящены русским беженцам в Японии, публикуются в нашей книге впервые. Если большая часть книги была издана в 64-м году в США, то главы, посвященные русской эмиграции в Японии, были опущены составителем этой книги, и сегодня мы публикуем их впервые по оригиналу мемуаров, которые хранятся в знаменитом Бахметевском архиве русской и восточно-европейской истории и культуры. Абрикосов очень подробно описывает этих людей, он показывает, что там были и крестьяне, там были и рабочие, там были случайно оказавшиеся на военной службе представители различных сословий бывшей Российской Империи. Наконец, там был очень интересный слой ученых, российских востоковедов, большинство из которых окончили Санкт-петербургский университет, факультет восточных языков, и, опять же, по воле судьбы и по воле своей профессии, профессионального долга,

если говорить точнее, служили переводчиками при различных русских организациях в Японии. В частности, Абрикосов, не называя имен, пишет, например, о чрезвычайно любопытной фигуре Теодора Раминга, немца по происхождению, который всю жизнь прожил в России и окончил упомянутый университет, который как раз до 27-го года работал с Абрикосовым в Японии непосредственно по помощи русским беженцам, а потом сделал выдающуюся научную востоковедную карьеру в Германии.

Иван Толстой: Что же собой представляет этот знаменитый Бахметьевский архив, где хранится рукопись Дмитрия Абрикосова? Моя коллега Лиля Пальвелева записала в Москве, на презентации абрикосовских мемуаров, куратора Бахметьевского архива Колумбийского университета Татьяну Чеботареву.

Татьяна Чеботарева: Бахметьевский архив был создан в 1951 году на базе Колумбийского университета. Назывался он тогда Русским архивом. Создавался он при непосредственном и очень активном участии известных русских историков-эмигрантов Михаила Карповича, Льва Магеровского и американских славистов, которые и убедили администрацию университета, что в Нью-Йорке необходимо создать архив по подобию Русского заграничного архива, который в 1945 году был увезен из Праги и растворился неизвестно где. Сейчас мы уже знаем, где, но в 1951 году об этом никто не знал. К тому же, Лев Магеровский, который был в то время в Нью-Йорке, работал заведующим отделом прессы Русского заграничного архива и мечтал возглавить новый архив. Деньги первоначальные на архив дал Фонд Форда, но это была довольно небольшая дотация, потом архив перешел на бюджет Колумбийского университета. В 73-м году он был переименован в честь Бориса Бахметьева. Кстати, здесь очень интересная параллель. Если Дмитрий Иванович Абрикосов был последним русским дипломатом в Японии, то Бориса Бахметьева можно назвать последним законным русским дипломатом в Америке. Он вручил свои дипломатические полномочия в Вашингтоне в июле 1917 года, а в ноябре уже благополучно лишился своего посольского звания. Так вот, в 1973 году архив был переименован в честь Бориса Бахметьева, поскольку вдова Бахметьева, умершего в 1951 году, передала деньги от его благотворительного фонда в Колумбийский университет, а также очень большой архив своего мужа. К сожалению, довольно часто существует ошибочное мнение, что Борис Бахметьев, архив, то есть, персональное дело или персональный архив и весь огромный архив - это одно и то же. На самом деле архив Бориса Бахметьева это всего 80 коробок. В нашем же архиве описанных фондов 988, не описанных около 200. Более двух миллионов единиц хранения.

Иван Толстой: На презентации книги Абрикосова в Центре русского зарубежья на Таганке в Москве выступала внучатая племянница Дмитрия Абрикосова - Наталья Юрьевна Абрикосова.

Наталья Абрикосова: Волей провидения, так любимого Дмитрием Ивановичем, мы встречаемся с вами в юбилейный для семьи Абрикосова год. Если мы будем идти по датам этой семьи, там масса совпадений, но самые первые и простые, я вам скажу. Прошло ровно 205 лет, как совершенно неизвестный никому вольноотпущенный крестьянин Степан Николаев появился в Москве и был записан в купцы третьей гильдии. Прошло ровно 195 лет с того момента, как он получил в полицейском участке свою фамилию Абрикосов, которая стала потом фамилией его потоков. Прошло 185 лет с того момента, как родился Алексей Иванович Абрикосов, который собственно создал богатство этой семьи, которое позволило этой семье не пропасть в волнах истории и детям его многочисленным сделать то, что они сделали. Судя по тексту, Дмитрий Иванович, в этом сомнения нет, был баловень судьбы. Поэтому совершенно не удивительно, что его желание опубликовать мемуары все-таки осуществилось. Причем мне-то кажется, что русским изданием он должен быть больше доволен, потому что именно для нас, жителей своей родины, он их и писал. На самом-то деле, если бы не было американского издания мемуаров, не было бы этого русского издания мемуаров. Во всяком случае, не было бы русского издания мемуаров в моем исполнении. Потому что история этого перевода - семейная, как ни смешно. Я увидела эту книжку в руках своего троюродного брата Дмитрия Петровича Абрикосова, на этом экземпляре была надпись "Всеим Абрикосовым" и подписано "Валентин Федорович Морозов". Валентин Федорович Морозов был потомком русского эмигранта, лично был знаком с Дмитрием Ивановичем Абрикосовым, именно в семье его родителей обрел Дмитрий Иванович как бы вторую семью во время невзгод, во время войны в Японии. Морозову посвящено некоторое количество страниц благодарности, страниц мемуаров, но и Морозов Дмитрий Ивановича вспоминает с благодарностью, потому что это благодаря его решению они завели кондитерское производство в Коби. Таким образом, в этот перевод книжки вошел полностью американский перевод и еще глава, которая была привезена и переведена не мной, а переведена Еленой Юрьевной Дорман и привезена из Бахметьевского центра по инициативе Марины Юрьевны Сорокиной. Хотя работа над мемуарами продолжалась долго, она заняла 11 лет, но если придерживаться мысли о продолжении жизни после смерти, воля Дмитрия Ивановича, которая, несомненно, была высказана в его предисловии к мемуарам, в его мечте, и воля мамы, конечно, они мне помогали. Хотя я не профессиональный переводчик, мне было работать чрезвычайно легко и

интересно, я думаю, что все-таки, в основном, из-за обаяния личности, удивительной личности, которая очень выпукло проступает за строками повествования. Кроме всего прочего, я познакомилась со многими своими родственниками, которые мне много и охотно помогали в работе над книжкой, сведения о семье поступали из совершенно удивительных источников. Так мы, например, увидели милые воспоминания Павла Николаевича Абрикосова, который был впоследствии душеприказчиком Дмитрия Ивановича. Его воспоминания о превратности его судьбы, начиная с эмиграции в 21-м году. Это именно он в 54-м году отнес мемуары Дмитрия Ивановича в тогда еще только созданный Бахметевский архив.

Кроме всего прочего, я хочу сказать, что книжка вообще интересная. Эти мемуары выделяются, с моей точки зрения, из общей массы мемуаров, и пример Дмитрия Ивановича Абрикосова столь удивителен, его позиция жизненная и его отношение к жизни были такими твердыми и такими, в общем-то, положительными, что эта книжка может быть примером молодым. Для этого, собственно, и пишутся книги.

Иван Толстой: Моя собеседница - научный редактор абрикосовской книги Марина Сорокина. Еще фигуры, еще имена, еще занятость этих людей и как, честно говоря, у них обстояло дело с японским языком?

Марина Сорокина: С японским языком, конечно, у беженцев обстояло дело достаточно трудно на первом этапе пребывания в Японии, но в дальнейшем, и это отмечает Абрикосов, многие из них буквально за несколько месяцев сумели обрести свой такой русско-японский язык, но достаточно понятный местным жителям, что, в свою очередь, сделало возможным развитие предпринимательской активности русских беженцев в Японии. И, в частности, один из хороших друзей и знакомых Абрикосова Владимир Морозов, который пришел с волной беженцев в Японию и прожил там практически всю жизнь, благодаря общению с Абрикосовым стал одним из очень известных и активных кондитерских предпринимателей в Японии, основав собственную фабрику. И фактически абрикосовские изделия, благодаря Морозову, на протяжении 4-5 десятков лет присутствовали едва ли не в каждом японском магазине. Это вообще отдельная и очень интересная история, и о ней даже снят небольшой документальный фильм.

Что касается других категорий русских беженцев, то, конечно, одним из центров, вокруг которого протекала русская жизнь Японии, была Российская православная миссия, архиепископ Сергей, чья трагическая судьба, он погиб в 45-м году, достаточно известна, и, тем не менее, помимо предпринимателей, помимо

бывших дипломатов, которые так или иначе продолжали свою деятельность в Японии, была еще одна очень интересная группа, о которой я уже упоминала, это, конечно, ученые, это научные специалисты. Их было очень немного, но они очень эффективно и очень активно работали в японских университетах, достаточно назвать имя выдающегося российского японоведа Николая Невского или его коллегу Плейтнера, которые провели всю жизнь в Японии, которые выступили своего рода медиаторами между той Россией, которую они утратили, и Японией, с одной стороны, и той Россией, которая продолжала все равно жить в их сердце. Поэтому они сделали все для того, чтобы японский народ, японские студенты, японская культура максимально больше узнали о настоящих, об истинных русских, и об их устремлениях в новой японской жизни.

Иван Толстой: Марина Юрьевна, теперь мы знаем, чего ждать от японских страниц абрикосовской книги, а каково содержание других глав?

Марина Сорокина: Вообще-то книгу пересказывать дело совершенно неблагоприятное, лучшее ее читать. И я надеюсь, что наши слушатели непременно возьмут эту книгу в руки, тем более, что она обладает еще одним совершенно чудесным свойством. Благодаря переводчику этой книги, близкой родственнице Дмитрия Ивановича Абрикосова Наталье Юрьевне Абрикосовой, при переводе английского текста Дмитрия Ивановича сохранен, и это подчеркнул на презентации книги известный историк и москвовед, доктор исторических наук профессор Сигурд Оттович Шмидт, старый московский язык, он очень чувствуется. На самом деле, как всякие мемуары, эта книга тоже охватывает практически всю жизнь автора - с момента рождения и до его переезда в США. Первые главы мемуаров посвящены той самой чудесной, доброй, мягкой, но, в то же время, как оказалось, неподходящей для автора жизни и среде вот этого московского купечества. Если его дед, Алексей Иванович Абрикосов, появляется буквально на первых страницах книги и появляется не просто на своей кондитерской фабрике, а в своем кабинете, Дмитрий Иванович описывает кабинет Алексея Абрикосова буквально как лабораторию ученого, наполненную книгами, философскими трактатами, которые он изучал, то бабка Дмитрия Ивановича, знаменитая Агриппина Абрикосова, именем которой назван тот роддом, основательницей которого она была, представляла собой, если хотите, такую Кабаниху. И первые главы мемуаров Абрикосова, описывающие московскую купеческую жизнь, внутреннюю жизнь купеческой династии, они звучат как своего рода анти-Островский.

Благодаря прекрасному материальному положению и тем большим возможностям, которыми располагало семейство, Дмитрий Иванович, так же как

и его братья, а его старший брат это Алексей Иванович Абрикосов, академик РАН, выдающийся патологоанатом, человек, который больше и лучше всех знал о жизни и смерти в кремлевской жизни, потому что на протяжении всего советского периода он был ведущим кремлевским патологоанатомом, другой брат Дмитрия Ивановича Борис был юристом и, наконец, третий брат Иван, о котором мы, к сожалению, знаем очень мало, получил образование в Гейдельбергском университете, и на этом его следы теряются. Так вот, благодаря прекрасным возможностям, которыми располагало семейство для развития личности и интеллекта каждого из представителей династии Абрикосовых, они много путешествовали, они сразу, с детства, увидели мир, они сразу имели возможность сравнить этот мир с той российской действительностью, в которой они существовали и, скажем откровенно, это сравнение было совсем не в пользу России. Мрачные лица, унылые люди, нерегулярно ходящие поезда, огромные пространства и вот та самая тоска, которая охватывает вас всякий раз при возвращении из путешествия в зарубежные страны, конечно, вот эти детские и юношеские впечатления стали одним из побудительных мотивов для избрания такой профессиональной карьеры, которая, в конечном итоге, и сложилась в жизни Абрикосова. Дмитрий Иванович, он подробно это описывает, и пожалуй, это самая интересная в мемуарах часть, которая проходит сквозь все главы, сквозь все жизненные периоды самого Дмитрия Ивановича Абрикосова, так вот на протяжении всей жизни Дмитрий Иванович был человеком, которого мы можем назвать безусловно русским европейцем. И те описания российской действительности и своих впечатлений от столкновения с этой российской действительностью, которые на протяжении многих глав присутствуют в мемуарах, они в какой-то степени напоминают мне такую чаадаевскую линию, отношение личности к России. При этом я должна заметить, что главную ноту, которая звучит в этой острокритической направленности по отношению к своему отечеству, тем не менее, эта главная нота сопровождается невероятной, что отмечено автором предисловия, профессором университета Висконсин Медиссон, известным американским историком Дэвидом Макдональдом, эта нота сопровождается одновременно невероятной любовью и состраданием к своему отечеству, которое так страдало от всех тех язв социальной, политической и даже духовной действительности, которая окружала молодого человека.

Иван Толстой: Вернемся в Центр русского зарубежья на Таганку, где проходила презентация книги. Моя коллега Лиля Пальвелера записала выступление некоторых участников вечера. Каково участие в подготовке книги Натальи Юрьевны Абрикосовой?

Наталья Абрикосова: Я ее перевела потому, что таково было, собственно, одно из последних пожеланий моей мамы, которая вслед за этим очень быстро умерла. Мы сначала не думали об издании, чтобы семья смогла получить информацию об истории семьи. Текст был написан с самого начала по-английски. Видимо потому, что он думал, что если он, будучи в Америке и в Японии в эмиграции, будет писать по-русски, то он совсем пропадет. Поэтому он писал по-английски, надеясь, что его мемуары будут когда-нибудь изданы. Это была его мечта. Вот она осуществилась.

Лиля Пальвелева: Вы когда узнали про этот текст?

Наталья Абрикосова: В начале 70-х годов, когда мне ее показал дядюшка, потому что ему, видимо, кто-то из Америки его прислал, я его увидела в первый раз.

Лиля Пальвелева: И тогда же вы прочитали его?

Наталья Абрикосова: Нет, он мне не дал, он очень дорожил, он ее не выпускал из рук. Он говорил, что это единственное свидетельство, потому что тогда не было принято рассказывать о семье.

Лиля Пальвелева: Подразнил, показал и не дал читать.

Наталья Абрикосова: А потом он увез в Америку, когда туда эмигрировал.

Лиля Пальвелева: Когда же вы впервые прочитали его?

Наталья Абрикосова: В конце 90-х годов, когда уже взяла экземпляр Дмитрия Петровича....

Лиля Пальвелева: Самые первые впечатления - вы раскрыли, начали читать, какие у вас тогда возникли ощущения?

Наталья Абрикосова: Вы знаете, для меня логика всего текста была совершенно неожиданной, и я довольно долго вработывалась в представление о том, кто он какой. А когда вработалась, вот тут-то я и поняла, что он - мой любимый мужчина. Он сохранил веру в хорошую часть характера человека, он был чрезвычайно оптимистичен, потом он был чрезвычайно наблюдателен и чрезвычайно трезво оценивал ситуацию. Потом я ему очень благодарна за совершенно незамутненную позицию относительно большевиков.

Лиля Пальвелева: А именно?

Наталья Абрикосова: Он был совершенный монархист и очень точно и очень современно, не впадая ни в какую ностальгию и сантименты, назвал вещи своими именами

Иван Толстой: Наталью Юрьевну Абрикосову поправляет куратор Бахметьевского архива Татьяна Чеботарева.

Татьяна Чеботарева: Теперь немножко об истории приобретения фонда Абрикосова. Павел Абрикосов не принес в Бахметьевский архив мемуары своего двоюродного брата. История здесь такая. Когда Дмитрий Иванович умер, он завещал все свое состояние, которое было не очень большим, а именно маленький домик и кое-какие бумаги, своему двоюродному брату, жившему в Канаде. Год был 51-й. В это время в Сан-Франциско группа русских эмигрантов создавала комитет помощи порт-артуровцам. В то время оставалось еще довольно много воинов, которые принимали участие в русско-японской войне и воевали в Порт-Артуре. Жить им было не на что абсолютно. Поэтому был создан благотворительный комитет. Возглавлял этот комитет Борис Бок. Он попросил у Павла Абрикосова передать рукописи своего двоюродного брата в порт-артуровский комитет для того, чтобы комитет мог продать эти материалы и таким образом помочь одному хотя бы из нуждающихся портартуровцев. И вот эта рукопись была продана за довольно большие деньги для того времени - за 200 долларов. В 54-м году это была приличная сумма. Поэтому, я думаю, что не одному порт-артуровцу можно было помочь на эти деньги.

Я надеюсь, что мы будем продолжать нашу совместную издательскую деятельность. У нас в архиве около 300 мемуарных коллекций довольно разных, две из них мы уже издали - одну с издательством "Росспен" два года назад, это мемуары барона Таубе, и вторую - сейчас.

Иван Толстой: Возвращаемся к беседе с научным редактором книги абрикосовских воспоминаний Мариной Сорокиной. В 46-м году сама история вынудила Дмитрия Ивановича Абрикосова сложить полномочия представителя русской эмиграции. Чем занялся он, каковы дальнейшие страницы его биографии?

Марина Сорокина: Давайте уточним. Во-первых, свои дипломатические обязанности он сложил не в 46-м году, а в 25-м году, после того, как советские представители приехали в Токио. Поэтому с 25-го по 46-й год жизнедеятельность Абрикосова в Японии носила неофициальный, неформальный характер, и в этом смысле, может быть, его заслуги тем и выше, что, несмотря на отсутствие статуса,

он продолжал свою деятельность по объединению русской диаспоры Японии и по созданию для нее максимально комфортной жизни в Японии.

Иван Толстой: Только поэтому, Марина Юрьевна, я и сравнил его с Василием Маклаковым. Я прекрасно понимаю, что он был неофициальным представителем, поэтому я говорю о его положении как представителя русской эмиграции, а не Советского Союза.

Марина Сорокина: С 46-го по 51-й год Дмитрий Иванович жил в США, в Пало-Альто, куда он приехал благодаря помощи своих старых русских друзей, в частности, тех дипломатических сотрудников российского посольства в Токио, которым он сам когда-то помог перебраться на североамериканский континент. Благодаря помощи адмирала Дудорова и его семьи Абрикосову удалось в 46-м году приехать в США, и все последние пять лет жизни он провел там, в Пало-Альто. Дмитрий Иванович Абрикосов приехал в США 4 ноября 46-го года. И скончался он также 4 ноября 51-го года. То есть, прожив ровно пять лет в США. Вот это совпадение дат в некоторой степени меня наталкивает на соображения о том, что оно не случайно. Человек, который всю жизнь очень точно и очень последовательно строил свою жизнь, как мне кажется, может, самостоятельно поставил точку в этой жизни, закончил свои мемуары в США, и точка в мемуарах в некоторой степени могла означать и точку в жизни Дмитрия Абрикосова.

Иван Толстой: Помогите нам, пожалуйста, представить себе, насколько мы знаем эмигрантскую мемуаристку. Конечно, я попрошу вас чуть-чуть только коснуться того, что было опубликовано в эмиграции, а самое главное, конечно, о самом сладком - о том, что предстоит узнать всем вообще читателям сейчас, о том, что будет напечатано, что может быть напечатано или что следует напечатать.

Марина Сорокина: Благодаря событиям 17-го года и последовавшей за ней эмиграции колоссального количества наших соотечественников и их рассеяния по всему миру, мы, российские граждане или русские, как угодно, мы обрели, если хотите, всемирную эмигрантскую мемуарную библиотеку. То, что делал позднее, в 70-е годы, Александр Исаевич Солженицын, который обратился с призывом к российской эмиграции по всему миру писать мемуары, на самом деле было, конечно, следствием его знания о том, что буквально каждый из россиян, который оказался в эмиграции, стремился непременно оставить какой-то материальный след об этой своей жизни, и мемуары, конечно, были лучшим, как сейчас говорят, форматом для того, чтобы оставить этот след на земле. Колоссальные архивные хранилища в Гуверовском институте, в Колумбийском университете, конечно, процентов на 70 содержат именно мемуарную литературу. Писали все, писали

крестьяне, писали дипломаты, писали ученые, писали политики. К сожалению, некоторые естественные пропорции нашего знания о российской эмиграции нарушены именно в силу того, что, как, например, в России больше всего мемуаров и наиболее яркие мемуары оставили писатели, так и в эмиграции больше всего писали о себе, о своей жизни, о своих представлениях о той России, которую они потеряли, прежде всего, политические деятели. А вот тот слой мемуарной литературы, который касался других сословий, он, конечно, известен нам намного меньше. Как ни странно, а может быть, это и вполне объяснимо, так называемые дипломатические мемуары тоже относятся к этой категории. Как известно, жанр дипломатических мемуаров существовал в России еще с 17-го века. Но после 17-го года в России, точнее, в Советском Союзе, фактически на протяжении 50 лет публиковались только три автора известных своей дипломатической и эмигрантской деятельностью. Это бывший временный поверенный в Испании Юрий Соловьев, затем знаменитые мемуары графа Игнатьева, которые переиздавались много раз, и уже третье имя, совсем хорошо известное всем, это мемуары посла Ивана Михайловича Майского.

Зато в эмигрантской жизни, в эмигрантских издательствах очень многие российские дипломаты опубликовали свои воспоминания. Когда мы говорим о мемуарах Абрикосова, то многие из первых читателей этой книги отмечали такую нетрадиционность этих воспоминаний для жанра дипломатических мемуаров, потому что большинство бывших русских послов, посланников и консулов писали, в основном, в своих мемуарах о геополитических проблемах, в то время как реальная жизнь российских дипломатических представителей, их бытовая сторона жизни оставалась совершенно в стороне. И вот один из интереснейших резервуаров, который, я думаю, найдет свое место в ближайшем будущем, потому что Дом русского зарубежья собирается выпустить целую серию ранее не публиковавшихся дипломатических мемуаров, которая как раз будет посвящена именно этой каждодневной жизни российских дипломатических представителей, как в дореволюционное время, так и уже в эмиграции. Я могу здесь назвать чрезвычайно любопытные воспоминания, которые буквально год назад были опубликованы в альманахе “Диаспора”, воспоминания последнего российского консула в Мугдене Сергея Александровича Колоколова, потрясающе интересные, они пришли к нам из Казахстана, вот таким странным и необычным путем. Но та жизнь российской эмигрантской глубинки, о которой мы почти ничего не знаем, в которой совмещалось несовместимое, например, сын российского консула, с одной стороны, не мог долго найти место себе в приличной школе, а с другой стороны, его дочь выходила замуж за английского дипломата, а другой сын возвратился в СССР и стал одним из самых известных военных китаистов, вот эта

жизнь, вот этот сор, из которого рождается такая напряженная по своей мысли и по своему ощущению новой жизни действительность российской диаспоры во многих странах мира она, конечно, очень значительно и очень сильно представлена в различных мемуарах российских консулов, которые после 17-го года жили буквально во всех странах мира.

Иван Толстой: Слушателям всегда интересно понять, как работает сообщество исследователей эмиграции и, вообще, существует ли такое сообщество? Потому что книг много, появляется огромное количество, теперь уже чаще всего неизвестных даже специалистам, имен. Как согласуют свои действия те, кто как бы призван по своему духовному восприятию, по видению поля исторического, как они согласуют свои действия? Есть ли какой-то единый план того, что будет издано, издатели общаются между собой, собираются ли конференции на эту тему? Если можно, такой маленький ликбезный ответ для наших слушателей.

Марина Сорокина: Я думаю, что сообщество историков а, точнее, исследователей российской эмиграции, российской диаспоры во всех странах мира на самом деле только формируются. Тот взрыв интереса к этой тематике, который произошел в Советском Союзе и России на рубеже конца 80-х - начала 90-х годов и который выразился в огромном количестве литературы разного качества, сейчас имеет, и это к счастью, некую тенденцию к убыванию, но зато к совершенной трансформации в очень качественные и серьезные исследования. Исследователей становится меньше и, как в любом сообществе, они все знают друг друга или стремятся знать, потому что сообщество только тогда становится сообществом, когда оно объединено общими целями, когда оно объединено общими организационными формами, если оно объединено стремлением создавать одновременно индивидуальный, но в то же время общезначимый исторический продукт. Сейчас в рамках, например, Дома русского зарубежья мы готовимся начать целую серию семинаров, посвященную российским диаспорам на всех континентах земного шара. Конференции это одна из постоянно существующих форм взаимодействия всех исследователей. Но, к счастью, у нас есть интернет, и теперь интернет и интернет сайты становятся тем местом, где происходит заочное знакомство исследователей, контакты, переписка и общение благодаря интернету и интернет сайтам, связанным с историей российской диаспоры во всех странах мира. Они становятся той площадкой, на которой не только формируется, но и активно развивается сообщество исследователей российского зарубежья.

Иван Толстой: Исследователь русской диаспоры Марина Сорокина говорит в заключении.

Марина Сорокина: Абрикосовская династия занимает совершенно своеобычное место в истории России. Ее диапазон - от кондитерского короля, выдающегося предпринимателя до нобелевского лауреата по физике. Русское предпринимательство как культурный феномен это одно из самых интересных направлений, которое мы можем увидеть и прочитать в мемуарах Дмитрия Ивановича Абрикосова.